

Ю. И. Семенов

КОЧЕВНИЧЕСТВО И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ХОЗЯЙСТВА И ОБЩЕСТВА

В недавно опубликованной статье Г. Е. Маркова справедливо отмечается недостаточная разработанность систематики и классификации многих явлений этнографии и истории первобытного общества¹. Это находит свое выражение, в частности, в том, что одними и теми же терминами обозначаются совершенно разные явления, а одни и те же явления обозначаются разными терминами. В результате исследователи нередко не понимают друг друга, и дискуссии между ними приобретают характер спора о словах.

Поэтому нельзя не отметить крайнюю своевременность публикации статьи Г. Е. Маркова, в которой предпринимается весьма плодотворная, по нашему мнению, попытка упорядочить термины, относящиеся к скотоводству и кочевничеству. Хотелось бы надеяться, что вслед за ней в журнале появятся статьи, посвященные анализу и уточнению терминов, применяемых в других разделах этнографии и истории первобытного общества.

I

Г. Е. Марков начинает статью с определения понятий «животноводство» и «скотоводство». По его мнению, первое понятие шире второго. Исключая из рассмотрения звероводство и оленеводство, автор все остальное животноводство делит на «оседлое животноводство земледельцев» («стойловое животноводство») и «скотоводство» (с. 84, 91, 92). В свою очередь последнее он подразделяет на два типа: «подвижное скотоводство» и «кочевое скотоводство», или «кочевничество» (с. 84).

Предложенное Г. Е. Марковым деление представляется нам в общем правильным. На наш взгляд, в него следует внести лишь одну поправку: все три выделенные им типа должны рассматриваться как вполне самостоятельные и равные по значению. Но дав в целом правильную классификацию, Г. Е. Марков в то же время не выполнил одного из главных, по нашему мнению, требований логики к классификации: не выявил в достаточной степени убедительно ее реальное основание.

Говоря об отличии скотоводства от оседлого животноводства земледельцев, он отмечает экстенсивный характер скотоводства и отношение к определенному культурно-хозяйственному типу (с. 84). Когда же он переходит к обоснованию выделения кочевого скотоводства, то подчеркивает, что это трудно сделать «только по облику хозяйственной деятельности», ибо сущность кочевничества заключается «не просто в способе ведения хозяйства, а прежде всего в наличии специфического комплекса социально-экономических отношений, племенной общественной организации, политической структуры» (с. 86; см. также с. 84, 87). Но, утверждая это, Г. Е. Марков приходит в противоречие с тем, что им сказано ранее. Ведь им же самим скотоводство было определено как вид хозяйственной деятельности, как форма хозяйства, а кочевничество как разновидность скотоводства (с. 84). Нам представляется, что эти неясности в статье Г. Е. Маркова связаны с недостаточной разработан-

¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология.— Сов. этнография, 1981, № 4, с. 83. В дальнейшем все ссылки на эту статью даются в тексте.

ностью в нашей литературе таких понятий, как «виды хозяйственной деятельности», «формы хозяйства», «отрасли хозяйства» и т. п.

Термин «хозяйство» имеет множество значений. Мы остановимся лишь на тех из них, которые прямо связаны с рассматриваемой проблемой. Бесспорно, что в одном из своих значений термин «общественное хозяйство» совпадает с термином «общественное производство»². Однако термины, в состав которых входит слово «хозяйство», чаще всего используются для обозначения не общественного производства в целом, а лишь одного из его аспектов.

Общественное производство представляет собой необычайно сложное и многогранное явление, к которому можно подходить с разных сторон. Производство всегда существует в определенной общественной форме, которую образует система производственных отношений определенного типа. Подход к производству с этой стороны приводит к выделению типов общественного производства, известных под названием способов производства. К числу основных способов производства обычно относятся первобытнообщинный, античный (рабовладельческий), феодальный, капиталистический и коммунистический. Все они являются не только типами общественного производства, но и ступенями его исторического развития.

Производство невозможно без определенных технических средств труда, которые в разные эпохи были далеко не одинаковыми и по-разному использовались. Подходя к производству с данной стороны, К. Маркс выделял такие его типы, как, например, ремесленное, мануфактурное, машинное производство. Эти типы производства, так же, как и виды, выделенные по признаку общественной формы, К. Маркс именовал способами производства³. В советской литературе такого рода способы производства принято называть техническими или технологическими. Что же касается типов общественного производства, то их именуют либо общественными способами производства, либо, чаще, просто способами производства.

И наконец, возможен такой подход к производству, при котором прежде всего принимается во внимание характер создаваемого продукта и обусловленные этим характером особенности процесса создания продукта. Результатом является выделение таких типов производства, как собирательство, охота, рыболовство, земледелие, скотоводство, промышленность. Классики марксизма применительно к разным условиям называли их по-разному. Земледелие, животноводство, промышленность К. Маркс называл и отраслями производства, и определенными производствами, и крупными родами производства⁴. Ф. Энгельс именовал охоту, рыболовство, скотоводство, земледелие отраслями производства, а охоту также и отраслью труда⁵. В определенном контексте использовали классики марксизма для их обозначения и термин «способ производства». Так, например, Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 8 декабря 1882 г. характеризовал охоту и рыболовство у тлинкитов и переходящее в земледелие кочевое скотоводство у древних германцев как два разных способа производства⁶. И. К. Маркс в одной из своих работ говорил о пастбищном скотоводстве у монголов как об их способе производства⁷.

Хотя данный аспект общественного производства и не может рассматриваться как самый главный, однако и он важен для понимания и его функционирования, и развития. И именно для характеристики общественного производства с этой стороны как в экономической, так и этнографической литературе чаще всего и используются термин «хозяйство» и производные от него.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 381; т. 2, с. 218—219; т. 3, с. 185, 191, 493; т. 4, с. 36—37; т. 33, с. 26; т. 39, с. 15, 271—272 и др.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 248; т. 4, с. 330; т. 18, с. 265; т. 23, с. 344, 393—395, 439, 453—455, 460; т. 26, ч. 3, с. 280.

⁴ Там же, т. 12, с. 711, 733; т. 23, с. 363.

⁵ Там же, т. 21, с. 29; т. 35, с. 110.

⁶ Там же, т. 35, с. 110.

⁷ Там же, т. 12, с. 724.

Первым шагом на пути анализа общественного производства в этом плане может быть только подразделение производственной или хозяйственной деятельности людей на виды по признаку различия создаваемого или добываемого продукта и обусловленных этим различием особенностей самой деятельности при отвлечении от всего остального, в частности от их роли и значения в общем целом. Эти формы можно было бы именовать просто *видами хозяйственной деятельности*.

При обращении к самой ранней эпохе истории человечества прежде всего называются такие виды хозяйственной деятельности, как собирательство и охота. При этом иногда забывают, что видом хозяйственной деятельности бесспорно является и деятельность людей по изготовлению орудий, одежды, жилищ и т. п. Нельзя не отметить, что в отличие от двух первых видов хозяйственной деятельности последний не имеет общего названия, хотя необходимость в нем существует. И найти обозначение для него не так просто. Термин «ремесло» явно не подходит, ибо предполагает наличие работников, для которых данный вид деятельности стал профессией. Не годится и термин «индустрия», ибо с ним связано представление о более высоком уровне развития, хотя археологи иногда и говорят о каменной индустрии. То же самое относится и к термину «промышленность». Более или менее подходящим нам представляется лишь термин «мастерство». Им мы и будем пользоваться. Еще одним видом хозяйственной деятельности, существовавшим на ранних стадиях эволюции первобытного общества наряду с мастерством, охотой и собирательством, было рыболовство.

Все эти виды хозяйственной деятельности осуществлялись в рамках первобытной общины, которая была не только социальным организмом, но одновременно и единственной хозяйственной ячейкой⁸. В результате все они выступали как неразрывно связанные части, моменты единого хозяйства первобытной общины. Не все виды хозяйственной деятельности играли в этом едином комплексе одинаковую роль. Одни из них определяли облик хозяйства первобытной общины в целом, другие такого значения не имели. На разных стадиях в различных первобытных общинах доминировали, а тем самым и определяли качественную характеристику всего хозяйства не одни и те же виды хозяйственной деятельности. Следствием было существование на стадии первобытного общества несколько разных *форм хозяйства*. В силу совпадения первобытной общины с хозяйственной ячейкой в каждом из первобытных социальных организмов могла существовать только одна форма хозяйства.

В большинстве ранних первобытных общин решающую роль играли охота и собирательство. Соответственно и хозяйство этих общин в целом характеризуется как охотничье-собирательское. Хозяйство тех общин, в которых доминировали охота и рыболовство, соответственно является охотничье-рыболовецким, а тех, в которых первенствующую роль играло одно лишь рыболовство, — рыболовецким.

Все эти формы хозяйства обычно объединяются под общим названием *присваивающего* хозяйства и в таком качестве противопоставляются *производящему* хозяйству, под которым понимаются земледелие и животноводство. Термины «присваивающее хозяйство» и «производящее хозяйство» настолько прочно вошли в научный обиход, что вряд ли имеет смысл протестовать против их применения. Однако при использовании этих терминов необходимо иметь в виду их крайнюю условность. Понимая их буквально, можно прийти к выводу, что общественное производство началось лишь с появлением земледелия и животноводства. Некоторыми авторами такой вывод и сделан⁹.

⁸ Об этих понятиях см.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — *Вопр. истории*, 1966, № 8; *его же*. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества. — *Философские науки*, 1976, № 3.

⁹ См., например, Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. — В кн.: *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука, 1968, кн. 1, с. 52—53.

В действительности, «присваивающее хозяйство», во-первых, всегда включало в себя в качестве необходимого момента мастерство, которое безусловно было производственной деятельностью в самом узком смысле слова. Термин «присвоение» может быть использован лишь по отношению к охоте, собирательству, рыболовству, причем и здесь со значительной степенью условности. Данное присвоение совершается при помощи созданных, произведенных орудий и поэтому неразрывно связано с мастерством. Во-вторых, все эти виды хозяйственной деятельности — моменты единого комплекса, в который входят кроме этих видов хозяйственной деятельности и мастерства, также распределение, обмен и потребление всех продуктов, созданных и добытых членами социального организма, и который не может быть охарактеризован иначе как производство в самом широком смысле слова. Как показал К. Маркс, производство включает в себя собственно производство, распределение, обмен и потребление¹⁰. В свете всего этого охота, собирательство, рыболовство выступают как составные части собственно производства, а значит, и производства в широком смысле. Тем самым они представляют собой не что иное, как своеобразные виды собственно производства, причем такие, которые входят в подразделение общественного производства, носящее название производства средств потребления. Именно такого взгляда придерживались основоположники марксизма, неоднократно подчеркивавшие, что охота и рыболовство представляют собой виды производства¹¹.

Слова «присвоение» и «производство» в том их значении, в котором они фигурируют в терминах «присваивающее хозяйство» и «производящее хозяйство», имеют отношение только к деятельности людей, непосредственно направленной на обеспечение их пищей. Реальный их смысл состоит в противопоставлении деятельности, в ходе которой они *добывают пищу*, созданную природой без их вмешательства, той деятельности, в ходе которой они сами, используя силы природы, *создают пищу*, увеличивая ее массу. Но так как деятельность, непосредственно направленная на обеспечение людей пищей, определяла в ту эпоху весь облик их хозяйственной деятельности, то ее характеристика неизбежно распространялась на хозяйство в целом. Это закономерно, но во избежание недоразумений лучше было бы говорить не о «присваивающем» и «производящем» хозяйствах, а о «пищедобывающем» и «пищепроизводящем».

С превращением первобытного общества в предклассовое и особенно с переходом от последнего к классовому обществу социальные организмы перестали быть одновременно и хозяйственными ячейками. Каждый из них стал включать в свой состав множество более или менее самостоятельных хозяйственных ячеек. В том случае, когда во всех хозяйственных ячейках доминировали одни и те же виды хозяйственной деятельности, в социальном организме существовала лишь одна форма хозяйства. Однако в других случаях в различных хозяйственных ячейках могли доминировать и тем самым определять общий облик их хозяйства разные виды хозяйственной деятельности. А дальнейшее развитие разделения труда между хозяйственными ячейками могло привести к появлению ячеек, в которых тот или иной вид хозяйственной деятельности мог стать не только ведущим, но и безраздельно преобладающим и даже единственным. Результатом такого процесса было появление в социальном организме нескольких разных форм хозяйства. Последние выступали в этом случае как разные отрасли единого хозяйства социального организма. На наш взгляд, термин «отрасль хозяйства» (или «отрасль производства») применим к форме хозяйства лишь тогда, когда она является одной из нескольких таких форм, существующих в социальном организме. Если же это единственная в социальном организме форма хозяйства, то ее лучше именовать способом хозяйства.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 719—726.

¹¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 192; т. 35, с. 103, 110 и др.

Наличие в социальном организме нескольких отраслей хозяйства ни в малейшей степени не исключает возможности общей характеристики его хозяйства как единого целого. Обычно одна из отраслей хозяйства является ведущей, господствующей. Именно она обуславливает характер хозяйства социального организма в целом, а значит, и самого социального организма. «Каждая форма общества,— писал К. Маркс,— имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях»¹². Общества, в которых господствующей отраслью хозяйства является земледелие, обычно характеризуются как земледельческие, аграрные, хотя им присуща и такая отрасль хозяйства, как ремесло. Страны, в которых преобладает промышленность, характеризуются как промышленные, индустриальные, хотя в них развито и земледелие.

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, подвести под предложенное Г. Е. Марковым деление животноводства на три основных типа достаточно прочное и в то же время единое основание.

«Стойловое животноводство» есть вид хозяйственной деятельности, который существует в составе земледельческой формы хозяйства в качестве более или менее важного дополнения к основному виду деятельности. «Подвижное скотоводство» есть отрасль хозяйства, бытующая в социальном организме наряду с другими отраслями, из которых господствующей является земледелие. И наконец, «кочевое скотоводство», или «кочевничество» есть способ хозяйства, т. е. единственная имеющаяся в конкретном обществе форма хозяйства. Таким образом, чтобы отделить «кочевое скотоводство» от «подвижного скотоводства» нет необходимости ссылаться на специфику социально-экономических отношений, племенной общественной организации и политической структуры.

II

Переходя к социально-экономическим отношениям, прежде всего поставим вопрос об их связи с формами хозяйства. Некоторые исследователи пытаются вывести производственные отношения прямо из форм хозяйства, непосредственно связать определенные производственные отношения с определенными формами хозяйства. На наш взгляд, такого рода попытки обречены на неудачу. Характер производственных отношений определяется вовсе не спецификой формы хозяйства, а уровнем развития производительных сил.

Это отнюдь не означает, что между формами хозяйства и производственными отношениями нет никакой связи. Она, безусловно, есть, но носит опосредованный характер. При тех или иных конкретных формах хозяйства рост производительных сил возможен лишь до определенного уровня. В результате, пока существуют только такие формы хозяйства, возникновение производственных отношений, требующих более высокого уровня производительных сил, невозможно. Например, пока хозяйство остается охотничье-собираТЕЛЬСКИМ, не может возникнуть классовое общество. Оно может появиться лишь после перехода к земледелию и животноводству. Но это вовсе не означает, что есть какие-то специфические охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ или земледельческие социально-экономические отношения. Не существует, на наш взгляд, и никаких специфических кочевнических социально-экономических отношений.

При разных формах хозяйства, но при одном и том же уровне производительных сил в обществе возникают одни и те же производственные отношения. В скотоводческих обществах существовали те же производственные отношения, что и в земледельческих социальных организмах с тем же уровнем развития производительных сил. Другое дело,

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 733.

что кочевое скотоводство делало невозможным развитие производительных сил общества выше определенного уровня, значительно меньшего, чем тот, который мог быть достигнут при земледельческой форме хозяйства. В результате этого в скотоводческих обществах не могли возникнуть социально-экономические отношения, которые сложились в земледельческих обществах после того, как они перешли этот предел. После достижения определенного уровня дальнейшее развитие кочевых обществ с неизбежностью должно было прекратиться. Им оставалось, пока они сохранили свой способ хозяйства, «топтаться на месте». Г. Е. Марков совершенно прав, когда пишет об ограниченности возможности социально-экономического развития кочевых обществ и о застойности их социальных отношений (с. 87).

Но не все высказывания Г. Е. Маркова о социально-экономическом строе кочевых обществ отличаются достаточной четкостью. Он пишет, что «в зависимости от политических и военных условий общественные отношения кочевников могли быть военно-демократическими или патриархальными, но в любом случае они включали одновременно элементы рабовладельческого, феодального, капиталистического и других укладов, т. е. были многоукладными» (с. 88).

По нашему мнению, термин «военная демократия» и все производные от него в принципе не могут использоваться для обозначения и характеристики социально-экономических отношений. Можно спорить о том, насколько широко была распространена военная демократия в эпоху предклассового общества, или даже о том, существовала ли она вообще, но несомненно, что этот термин может относиться только к организации власти в обществе, но не к его социально-экономической структуре. И термин «патриархальные отношения», взятый сам по себе, без каких-либо разъяснений и уточнений, также, на наш взгляд, ничего не дает и не может дать для понимания существа социально-экономических отношений какого бы то ни было общества.

Переходя к вопросу об общественно-экономических укладах и многоукладности общества, необходимо затронуть одну принципиальную проблему. Некоторые исследователи практически исходят из того, что наличие в обществе тех или иных производственных отношений равнозначно наличию в нем соответствующего общественно-экономического уклада. Признать такой подход правильным нельзя. Общественно-экономический уклад есть целостная система производственных отношений определенного типа. Но те или иные производственные отношения могут в данном обществе и не образовывать уклада, а существовать в качестве придатка, дополнения к системе социально-экономических отношений иного типа, т. е. в неукладной форме. В социальном организме могут сосуществовать производственные отношения нескольких разных типов, но оно при этом может оставаться одноукладным, если отношения только одного типа образуют систему, а все остальные существуют в качестве дополнения к ней.

Слова Г. Е. Маркова о том, что общественные отношения кочевников «в любом случае» включали в себя «одновременно» элементы капиталистического, феодального, рабовладельческого укладов, являются, несомненно, всего лишь неудачной формулировкой. Если кочевничество возникло 3 тысячи лет назад, то совершенно ясно, что по крайней мере в течение первых 2,5 тысяч лет его существования элементов капиталистического уклада в нем заведомо быть не могло. Но, на наш взгляд, весьма сомнительно наличие в кочевых обществах не только капиталистического уклада, но вообще капиталистических отношений и в более позднее время. Обычно в качестве довода приводят факты бытования у кочевников наемного труда. Однако это ничего не доказывает. Наемный труд существует не только в капиталистической, но и в некапиталистической форме. И некапиталистическая форма наемного труда возникла задолго до появления зачатков капитализма¹³. Не существовало в

¹³ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 281—282; т. 46, ч. 1, с. 454—459.

кочевом обществе ни феодального уклада, ни даже просто феодальных отношений. Сам Г. Е. Марков в работе «Кочевники Азии» (М.: Изд-во МГУ, 1976) очень убедительно, на наш взгляд, показал всю несостоятельность концепции «кочевого феодализма». Остается, таким образом, одно лишь рабство, которое, как отмечают все исследователи, хотя и имело место у кочевников, но никогда не играло существенной роли в системе их производственных отношений.

Характеризуя кочевое общество, Г. Е. Марков нигде не дает ему формационной характеристики. Он лишь неоднократно подчеркивает, что оно не было первобытнообщинным. И это не случайно. Кочевые общества, по нашему мнению, действительно не принадлежат ни к одной из известных общественно-экономических формаций. Все они, на наш взгляд, должны быть отнесены к обществу, лежащему между первобытнообщинной формацией, с одной стороны, и классовым обществом — с другой. Такое переходное общество в нашей литературе принято называть предклассовым.

Предклассовое общество не представляет собой чего-то единого. Существует множество его типов, которые до сих пор сколько-нибудь четко не выделены. Однако общим для всех предклассовых обществ является наличие в них формирующегося крестьянско-общинного уклада. Не были в этом отношении исключением и кочевые общества. Конечно, применение к кочевникам термина «крестьянин» идет в разрез со всей традицией его употребления. Но в чисто социально-экономическом отношении между объединенными в общины мелкими земледельцами, каждый из которых самостоятельно вел свое хозяйство, используя прежде всего собственный труд и труд членов семьи, и объединенными в общины же рядовыми кочевниками, каждый из которых также вел свое хозяйство прежде всего силами собственной семьи, нет никаких принципиальных различий. Конечно, рассматриваемый общественно-экономический уклад можно применительно к кочевым обществам называть, скажем, номадо-общинным, но при этом необходимо всегда иметь в виду, что последний является не каким-то особым укладом, отличным от крестьянско-общинного, а лишь разновидностью последнего.

В недрах крестьянско-общинного уклада в кочевых обществах зарождались отношения эксплуатации, которые в дальнейшем могли образовывать особый уклад или уклады. Бесспорно, эти отношения эксплуатации ни на одном этапе эволюции кочевых обществ не ограничивались одним лишь рабством. Именно это обстоятельство в условиях, когда все формы эксплуатации сводились к трем: рабовладельческой, феодальной и капиталистической, неизбежно толкало исследователей к выводу о существовании в кочевых обществах и феодализма и капитализма. В действительности за феодальные и капиталистические принимались отношения, которые таковыми не были. В предклассовых обществах вообще, в кочевых в частности, существовали многообразные формы эксплуатации, отличные от трех классических способов угнетения человека человеком.

Выявление этих ранних форм эксплуатации, создание их типологии является одной из важных задач науки. В свою очередь ее решение откроет путь для выявления основных типов предклассового общества. И, на наш взгляд, только выявление социально-экономической структуры предклассовых обществ и создание их типологии сможет помочь проникнуть в сущность тех происходивших в кочевом обществе изменений, которые Г. Е. Марков характеризует как переход из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое» и обратно (с. 89).

III

Как уже указывалось, Г. Е. Марков категорически возражает против отнесения кочевых обществ к первобытнообщинной формации. Соответственно, он считает, что такие термины, как «род», «родо-племенная организация», «родо-племенной строй», «родо-племенные отношения» со-

вершенно непригодны для характеристики общественной организации кочевников. Однако он тут же с определенными оговорками делает исключение для термина «племя», без которого, по его мнению, обойтись невозможно. И это имеет весьма серьезное основание.

Социальные организмы, в которых совсем не было государственной власти или же она еще окончательно не оформилась, и социальные организмы, в которых существовала подлинная государственная власть, отличаются не только тем, что их основу составляли разные производственные отношения. Далеко не одинаковыми были производственные отношения в первобытнообщинных и предклассовых обществах. Разные производственные отношения лежали в основе рабовладельческих (античных), феодальных и капиталистических обществ. Коренное различие существует между всеми антагонистическими классовыми обществами, с одной стороны, и социалистическими — с другой. Однако, несмотря на различия между классово-антагонистическими социальными организациями и социалистическими, не говоря уже о различиях между классовыми социальными организациями, относящимися к разным формациям, в основе их организации лежит один и тот же принцип, который качественно отличен от принципа, лежащего в основе организации безгосударственных и предгосударственных социальных организмов.

Различие принципов организации безгосударственных и предгосударственных социальных организмов, с одной стороны, и социальных организмов с государством — с другой, давно уже было подмечено исследователями. Одним из первых обратил на это внимание Г. Мейн. В ряде своих работ он проводит различие между обществами, основой которых являются родственные отношения, и обществами, основой которых является территория, земля¹⁴. Более глубоко эта мысль была разработана Л. Морганом. Он достаточно четко выделяет два плана (т. е. типа) общества, которые «совершенно различны в своих основаниях»¹⁵. «Первый по времени,— писал он,— основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (*societas*)... Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (*civitas*). Политическое общество организовано на территориальных началах, и его отношение к собственности и личности определяется территориальными отношениями... В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Появление его составляет пограничную линию между древним и современным обществом»¹⁶.

Эта идея была разработана Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»¹⁷. Однако в дальнейшем в нашей литературе ей не было уделено достаточно внимания. И понималась она обычно очень односторонне. Для большинства исследователей она существовала лишь как указание на подразделение граждан государства по территории как на важный его признак. Во многом такое положение было связано с недостаточной разработанностью одного из важных понятий исторической и этнографической наук — *категории «социальный организм»*.

Утверждение, что социальные организмы только второго из выделенных двух типов основаны на территории, нередко вызывает возражение. Первобытная община, являвшаяся на протяжении всей истории первобытного общества единственным социальным организмом, бесспорно всегда была связана с определенной территорией. Столь же несомненно, что и более сложный социальный организм, возникший с переходом к предклассовому обществу и именуемый обычно племенем, тоже всегда

¹⁴ Maine H. S. Ancient law. L., 1861, p. 103; *idem*. Lectures on the early history of the institutions. L., 1875, p. 72—73.

¹⁵ Морган Л. Г. Древнее общество. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1934, с. 7.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 26.

имел свою территорию¹⁸. Понятие племенной территории или территории племени повсеместно употребляется в исторической и этнографической литературе. Важно, однако, подчеркнуть, что социальные организмы названных двух типов отличаются вовсе не отсутствием или наличием территории, а принципами, лежащими в основе их организации, что предопределяет и разный характер их связи с территорией.

Общество всегда состоит из людей. Однако оно никогда не является простой их совокупностью. Люди образуют общество постольку, поскольку они включены в определенную систему отношений. Поэтому общество прежде всего есть определенная система отношений, в которой живут люди. Основу этой системы образуют производственные, социально-экономические отношения.

Каждый социальный организм есть конкретное, единичное общество, т. е. определенным образом ограниченная система отношений, существующая рядом с другими такими же ограниченными системами. Вполне понятно, что каждая такая система включает в свой состав лишь ограниченное число людей. Эти люди, чтобы составлять один социальный организм, должны жить вместе, на одной ограниченной территории. Таким образом, бытие любого социального организма с необходимостью предполагает существование ограниченной системы отношений, ограниченного круга людей и ограниченной территории.

Общественные отношения людей в отличие от самих людей и территории, на которой они живут, не вещественны, не имеют физического бытия. Поэтому система общественных отношений не может иметь границы, которая не была бы одновременно границей либо совокупности людей, которых она связывает, либо территории, на которой они живут.

Границами социального организма второго, более позднего типа, служат границы территории, которую он занимает. Никаких других границ, кроме пространственных, у него нет. Соответственно в его состав входят все люди, которые живут на этой территории. Территориальными являются и границы между частями, единицами, на которые делится социальный организм. Все эти части занимают определенные места в пространстве. Пространственным будет порядок их расположения. Короче говоря, социальные организмы такого типа всегда пространственно организованы, имеют фиксированную пространственную структуру.

Неотделимость социального организма такого типа от территории, которую он занимает, наглядно выражается в том, что его название может быть только территориальным (Франция, Италия, Болгария и т. п.). Поэтому такие социальные организмы в литературе обычно именуются странами или государствами. Мы их будем называть в дальнейшем *геосоциальными организмами*.

Совершенно иным является характер социальных организмов первого, более раннего типа. Хотя каждый такой социальный организм всегда занимал определенную территорию, однако границы этой территории не были его границами. Границы территории племени не были границами самого племени. Границей такого социального организма была граница круга людей, входивших в его состав. Этот круг был четко фиксирован. Существовали правила, определявшие принадлежность человека к данному кругу, а тем самым и социальному организму. Тот или иной человек входил в состав этого круга в силу определенной связи между ним и человеком, уже принадлежащим к нему. Когда социальный организм был небольшим, существовавшие правила непосредственно определяли принадлежность человека к нему.

Крупный социальный организм был обычно подразделен на меньшие единицы или даже на целую их иерархию. Число единиц и их взаимные отношения также были в достаточной степени четко фиксированы. Существовавшие в такой общности правила определяли принадлежность человека к той или иной структурной единице, а тем самым и его принадлежность к этому организму.

¹⁸ Термин «племя» имеет несколько значений. Здесь и дальше под «племенем» понимается только так называемое позднее племя.

Единицы, на которые делился социальный организм, могли быть локализованными. Однако пространственные отношения между ними не составляли структуру социального организма, частями которого они являлись. Социальные организмы такого типа были организованы по принципу формального членства: членства людей и членства групп. В результате такой социальный организм выступал просто как определенная организованная совокупность людей. Следствием этого было совпадение названия социального организма с названием совокупности людей: сенека, тускарора и т. п. По отношению к этим социальным организмам нельзя говорить об их населении как о чем-то отличном от них самих. Каждый из таких организмов есть не что иное, как само, особым образом организованное, население. Поэтому их можно было бы назвать *демосоциальным организмом*.

Всегда занимая определенную территорию, демосоциальные организмы обладают большой степенью самостоятельности по отношению к ней. Это выражается, в частности, в том, что подобного рода социальный организм может покинуть одну территорию и занять другую, причем в данном случае происходило не просто переселение людей, входящих в состав социального организма, а передвижение социального организма как единого целого. Демосоциальные организмы в отличие от геосоциальных являются подвижными, мобильными.

Если совпадение демосоциального организма с совокупностью образующих его людей оборачивается известной его самостоятельностью по отношению к территории, то неотделимость геосоциального организма от определенной территории обуславливает известную самостоятельность составляющих его людей по отношению к нему самому. Конечно, и геосоциальный организм состоит из людей, однако он в отличие от демосоциального непосредственно не совпадает с их совокупностью. В геосоциальном организме совокупность людей, которые входят в его состав, совершенно отчетливо выступает как один из сравнительно обособленных его элементов, как его население. Нет страны, государства без населения, но сама страна и ее население отнюдь не одно и то же. Выделение совокупности людей, составляющих социальный организм, в качестве относительно самостоятельного элемента связано с тем, что основа социального организма — система отношений — получила свою собственную организацию, отличную от организации непосредственной совокупности людей, — пространственную, территориальную.

Различие между демосоциальным и геосоциальным организмами столь велико, что одни и те же термины в применении к ним имеют далеко расходящиеся значения.

Величина демосоциального организма определяется числом людей, входящих в него. Чем больше людей составляет такой социальный организм, тем он крупнее. Конечно, демосоциальный организм занимает территорию определенной величины. Существует и определенная зависимость между величиной социального организма и размерами территории, которую он занимает. Как правило, более крупный организм занимает и большую территорию. Однако величина демосоциального организма и размеры занимаемой им территории — не одно и то же.

Что касается геосоциального организма, то его величина есть величина территории, которую он занимает. Чем больше его территория, тем он крупнее. Конечно, каждый такой организм включает в свой состав определенное число людей. Но это число определяет лишь плотность населения социального организма, а не его размеры. Величина геосоциального организма и численность его населения — разные вещи, что, разумеется, не исключает существования определенной зависимости между ними, разной в различные эпохи.

Так как величина демосоциального организма определяется числом людей, входящих в его состав, то возрастание этого числа с неизбежностью означает увеличение размеров организма. До поры до времени увеличивающийся в размерах социальный организм мог оставаться в границах своей первоначальной территории. Однако рано или поздно

ему становилось на ней тесно, и он начинал занимать новые территории, вытесняя с них другие социальные организмы. Занятие социальным организмом новых территорий совершенно не обязательно предполагало включение в его состав социальных организмов, ранее их занимавших. Увеличение размеров демосоциального организма могло привести к разделению его на два новых, которые в одних случаях оставались жить по соседству, а в других — оказывались далеко друг от друга. Демосоциальные организмы способны были не только разделяться, но и сливаться, части одного могли переходить в состав другого и т. п.

Увеличение геосоциального организма может идти только путем расширения его территории. Вместе с новыми территориями в его состав входит и население этих территорий. Таким образом, увеличение того или иного геосоциального организма происходит за счет соседних социальных организмов. Эти последние либо полностью входят в состав первого, либо от них отрываются куски, которые становятся частями увеличившегося социального организма. Возрастание числа людей, составляющих геосоциальный организм, не означает увеличения его размеров. Растет лишь его население, но не он сам.

Значение терминов «переселение», «миграция» в применении к демосоциальному организму существенно отличается от значения этих терминов, когда они используются по отношению к геосоциальным организмам. В первом случае речь идет о перемещении с одной территории на другую самих социальных организмов, целых обществ. Именно такой характер носило так называемое «великое переселение народов». Во втором — речь идет о перемещении отдельных людей или групп людей либо по территории одного социального организма, либо из пределов одного социального организма в пределы другого. Двигутся люди, но не социальные организмы. Особым случаем является выселение за пределы одного социального организма большой группы людей, которая образует новый социальный организм, относящийся к тому же самому типу. Примером может служить древнегреческая колонизация.

Совершенно разные значения имеет термин «народ» в применении к демосоциальным и геосоциальным организмам. В первом случае под народом понимается либо один определенный социальный организм, либо целая группа родственных социальных организмов. Во втором термин «народ», если исключить те его значения, которые не имеют прямого отношения к рассматриваемой проблеме, может употребляться в двух основных смыслах. Один из них — вся совокупность людей, объединенных принадлежностью к тому или иному социальному организму, независимо от существующих внутри нее различий. Так, например, говорят о народе Франции, народе Югославии, индийском народе, пакистанском народе и т. п. Другой смысл — совокупность людей, имеющих общую культуру, говорящих, как правило, на одном языке и осознающих как свою общность, так и отличие от людей, принадлежащих к другим таким же совокупностям. Такого рода совокупности людей принято именовать этническими общностями или этносами. Люди, принадлежащие к одной этнической общности, могут жить в пределах как одного, так и нескольких социальных организмов, составлять как все население того или иного социального организма, так и часть его. Общее между двумя последними значениями слова «народ» состоит в том, что оба они относятся не к социальному организму в целом, а лишь к его населению.

О населении как особом явлении, отличном от самого социального организма, можно говорить только после перехода от демосоциальных организмов к геосоциальным. Соответственно лишь начиная с этого времени можно говорить и об этнических общностях как самостоятельном явлении. В предшествующую эпоху этническая общность существовала только как аспект, сторона социального организма или их совокупностей.

Люди, входившие в состав племени, обычно имели общую культуру, говорили на одном языке или диалекте одного языка. Если добавить к этому, что они осознавали свою общность и свое отличие от людей, при-

надлежавших к другим такого же рода группам, то становится ясным, почему племя нередко характеризуется как этническая общность. Племя действительно в определенном смысле было, как правило, и этнической общностью. Однако не в этом заключалась его сущность. Племя прежде всего было социальным организмом. И сознание племенной общности было в своей основе сознанием принадлежности не к культурно-языковой общности, а к социальному организму, к определенному организованному целому. Это особенно наглядно выступает как в тех случаях, когда в состав племени входили группы людей, отличавшиеся культурой и языком от основного его ядра, так и в тех, когда люди с одной культурой и языком образовывали несколько племен.

Поскольку в применении к первобытному и предклассовому обществу термин «народ» означает не собственно этническую общность как особую группировку населения, а либо социальный организм, либо группу социальных организмов, то в данном контексте вполне правомерно говорить о социально-экономическом и вообще общественном строе тех или иных народов: андаманцев, ирокезов, тлинкитов и т. п. Но только в данном контексте.

Применительно к обществу, каким оно стало после возникновения классов и государства, говорить о социально-экономическом, политическом и вообще общественном строе тех или иных народов нельзя, ибо термин «народ» означает здесь не социальный организм, а ту или иную группировку его населения. Не может быть речи о социально-экономическом строе немцев, французов, чехов и т. п. Можно говорить лишь о социально-экономическом строе ГДР, ФРГ, Франции, ЧССР и других геосоциальных организмов. Нельзя говорить о социально-экономическом строе жителей той или иной страны, можно говорить о социально-экономическом строе страны, в которой они живут. Исключение из этого правила имеет место лишь тогда, когда в пределах того или иного геосоциального организма сохраняются демосоциальные организмы.

На первобытнообщинной стадии существовали одни лишь демосоциальные организмы. Для классового общества характерны геосоциальные организмы. Эпоха предклассового общества являлась в целом временем превращения демосоциальных организмов в геосоциальные. Специфичным для этого периода было существование социальных организмов, обладавших одновременно как демосоциальной, так и геосоциальной структурами. Примером могут служить так называемые «вождества». В эволюции таких переходных социальных организмов иногда имело место и попятное движение: разрушение геосоциальной структуры и переход ведущей роли к демосоциальной. Однако в общем их развитие шло по линии превращения в подлинные геосоциальные организмы.

Исключение составляли социальные организмы кочевников. Кочевые общества, пока они оставались кочевыми, представляли собой только демосоциальные организмы. Именно необходимость подчеркнуть данную особенность социальных организмов кочевников побудила Г. Е. Маркова, в целом выступившего против применения для характеристики общественного строя кочевников терминов «родо-племенная организация», «родо-племенной строй» и т. п., настаивать на необходимости использования слова «племя». Но племя кочевников было, как правило, довольно крупным социальным организмом, поэтому оно делилось на определенное число социальных единиц, которые нередко образовывали целую иерархическую структуру. Термин «родо-племенная организация» и ему подобные как раз и обозначают эту внутреннюю структуру данных социальных организмов, которую мы выше обозначили как демосоциальную. Эти термины действительно (и в этом Г. Е. Марков совершенно прав) не очень удачны, ибо они нередко употребляются как синонимы первобытнообщинного строя. Но других пока не существует, и поэтому исследователи ими пользуются. Необходима разработка новой терминологии, которая заменила бы старую.